
А.Ф. Литвина, Ф.Б. Успенский

НАПРЕСТОЛЬНЫЙ КРЕСТ 1603/04 г. ИЗ ПОКРОВСКОГО МОНАСТЫРЯ В СУЗДАЛЕ: ИДЕНТИФИКАЦИЯ ВКЛАДЧИКА*

Статья посвящена атрибуции восьмиконечного креста-мошевика в серебряном золоченом окладе с чеканными и резными священными изображениями и орнаментами. Согласно вкладной надписи на кресте, он был пожертвован в суздальский Покровский монастырь в 1603/04 г., при этом характер растительного орнамента, мастерство чеканки и подбор драгоценных камней однозначно свидетельствуют о столичном происхождении этого литургического предмета.

До сих пор личность вкладчика считалась неустановленной, хотя надежно прочитываемая надпись содержит его имена и все необходимые сведения для их интерпретации. У множества людей средневековой Руси было по два христианских имени в миру – сегодня это утверждение уже не вызывает у исследователей такого удивления, как десятилетие назад, однако традиция светской христианской двуименности по-прежнему нуждается в описании и анализе. Здесь одинаково увлекательным оказываются и выявление общей структуры и смыслового наполнения этой причудливой практики, и элементарное пополнение коллекции – установление простого факта, что тот или иной персонаж, зачастую весьма знаменитый, носил не только то имя, под которым известен всюду, вплоть до учебников по истории, но был обладателем еще одного именованья, быть может, самого главного с его собственной точки зрения. Эта последняя задача изучения конкретных казусов иногда требует почти детективных разысканий, и затруднения, возникающие на пути исследователя, отнюдь не случайны: они связаны с самими принципами функционирования системы светской христианской двуименности в допетровской Руси, когда в некоторых ситуациях человек появляется под одним именем, а в других – под совсем иным, и найти точки пересечения, по которым можно отождествить, к примеру, *раба Божьего Козму* и князя Дмитрия Михайловича Пожарского, порой оказывается весьма непросто.

* Статья подготовлена в рамках гранта, предоставленного Министерством науки и высшего образования Российской Федерации [соглашение о предоставлении гранта № 075-15-2022-326]. Авторы считают своей приятной обязанностью поблагодарить сотрудников ГВСМЗ В.А. Берченеву, М.А. Быкову и М.И. Давыдова, а также А.Л. Лифшица, С.М. Михееву и И.А. Стерлигову за неоценимую помощь в подготовке этой статьи.

Историко-ономастический анализ текста надписи на кресте 1603/04 г. не только позволяет уверенно идентифицировать владельца этого драгоценного образчика ювелирного искусства начала XVII в., но и высказать ряд догадок об обстоятельствах совершения пожертвования, а также уточнить наши сведения о практиках имянаречения, принятых на Руси в XVI столетии.

Ключевые слова: крест 1603/1604 г., Суздальский Покровский монастырь, имянаречение в допетровской Руси, культ святых, церковный календарь, монашеский постриг, вклады и кормовое поминовение, светская христианская двуименность, крестильное имя

В экспозиции «Золотая кладовая» Государственного Владимиро-Суздальского музея-заповедника находится напестольный крест-мошевик в серебряном золоченом окладе с чеканным изображением Распятия, украшенный жемчугом и драгоценными камнями. На оборотной стороне креста имеются десять гравированных и подписанных изображений святых и вкладная запись (см. илл. 1, 2)¹. В современных исследованиях обыкновенно отмечается высокое качество работы, обилие мощей и изысканность оформления, свидетельствующие о столичном происхождении этого предмета благочестия, равно как и о несомненном богатстве заказчика – едва ли случайно, что в монастырских описях XVII в. он упоминается первым среди напестольных крестов в ризнице². В музейную коллекцию этот замечательный памятник попал, согласно имеющейся на нем надписи, из суздальского Покровского девичьего монастыря.

¹ ГВСМЗ, Фондовая коллекция «Драгоценные металлы и камни», инв. № В-1702 Ц-2036 (размер: 38,5x18x3,5). В медальонах на оборотной стороне изображены те святые, чьи мощи заключены в кресте: апостол Иаков, Григорий Богослов, Иоанн Златоуст, Димитрий Солунский, Григорий Декаполит, Косма и Дамиан, Стефан Первомученик, Феодор Тирон, Христина и Пигасия. Почитание последней вполне типично для Руси, но при этом является результатом некоторого антропонимического недоразумения – в святцах имеется лишь мученик Пигасий Персидский (память 2 ноября), образ и имя которого трансформируются в женские (см. подробнее: Литвина, Успенский 2019. С. 143–146).

² Такая точка зрения (разделяемая и авторами этой статьи) представлена, например, в каталоге М.А. Быковой (Быкова 2015. С. 21. № 4). Напротив, В.В. Игошев, не приводя дополнительной аргументации, предполагает, что крест был изготовлен владимирским серебряником (Игошев 2020. С. 35, примеч. 17).

³ См. Опись Покровского монастыря 1651 г.: «Крестъ воздвизалной обложень серебромъ чеканнымъ золочень с мощми а в немъ два яхонта лазоревы да два изумруда в венцѣ два яхонта червчаты невелики да тумпазъ да юга да в гнѣздахъ три зерна жемчужные велики да лаль около креста низано жемчугомъ» (Георгиевский 1903. С. 110).

Илл. 1. Напрестольный крест-мошевик.
1603/1604 г. Лицевая сторона. ГВСМЗ.
Fig. 1. The altar reliquary cross, 1603/1604.
Front view (State Vladimir-Suzdal Museum)

Илл. 2. Напрестольный крест-мошевик.
1603/1604 г. Обратная сторона. ГВСМЗ.
Fig. 2. The altar reliquary cross, 1603/1604.

Илл. 3. Вкладная надпись на оборотной
стороне креста.
Fig. 3. Votive inscription (SVSMR).

Илл. 4. Прорись вкладной надписи.
Fig. 4. Drawing of the votive inscription
(SVSMR)

Надпись эта вообще предоставляет в наше распоряжение довольно много данных. Из нее мы узнаем, например, что вклад был сделан в 1603/04 г. и что он, по всей видимости, был не поминальным, но прижизненным. Указаны здесь и имена дарителя, однако до сих пор во всех каталогах и описаниях этого артефакта личность вкладчика обозначалась как неустановленная (Трофимова 1982. С. 198. № 98; Быкова 2015. С. 21. № 4). Как кажется, однако, эта проблема может быть разрешена – мы располагаем достаточными данными для того, чтобы уверенно соединить представленные на кресте имена с фигурой более чем конкретной и весьма знаменитой.

Какие же антропонимы присутствуют во вкладной надписи и кто мог быть их обладателем? Приведем для начала ее текст целиком:

принесе^н ч^тны^н
 кр^сть со ст^ыми^н мощ^сми^н
 во ст^вю ѡбите^л пре-
 ч^тыѣ бл^гцы ч^тна^т ѡа^н
 пок^рова^н дв^ч м^н-
 наст^ы б^госѡеа-
 ѡмо^н гра^д су^здале^н
 мн^{ог}огр^бны^н ра^б б^жи^н
 василе^н во ст^ом^ь кр^сщни^н
 потап^е л^вт^ь рви^т ~ <112> по
 се^лмои т^ысащи ~ <1603/04> (см. Илл. 3, 4)

Формула *многогрешный раб Божий Василий во святом крещении Потаний* определенно фиксирует казус светской христианской двуименности, весьма распространенной и древней традиции, когда в публичной сфере человек был известен под одним именем, порой зафиксированным в десятках, а то и в сотнях документов, тогда как его второе – крестильное – имя упоминалось в письменных текстах заметно реже, однако именно оно звучало при совершении всех таинств и до гроба сопровождало своего обладателя в церковной жизни (а если говорить о коммеморативной практике, – то и после смерти).

Сочетание имен *Василий / Потаний* не принадлежит к числу самых частотных, что в целом заметно повышает шансы того кандидата, которого мы собираемся предложить на роль вкладчика интересующего нас артефакта. Этот человек – столичный житель, он весьма знатен и богат и, что, быть может, всего существеннее, он и его семья теснейшим образом связаны с Суздалем вообще и Покровским монастырем в частности. Обитель по праву можно назвать родовой усыпальницей женской части его семьи – в разное время здесь похоронили его мать (она, по-видимому, была насельницей этого монастыря), двух невесток (жен младших братьев),

родную сестру и его малолетнюю дочь. Разумеется, эти погребения не могли не сопровождаться разнообразными вкладыми и пожертвованиями, часть из которых хорошо известна по монастырским описям.

Нетрудно догадаться, что речь идет о знаменитой семье Шуйских, прямых потомках суздальских князей – именно среди них и обнаруживается обладатель интересующей нас антропонимической пары *Василий / Потаний*, который в публичной жизни был *Василием*. Это не кто иной, как будущий царь Василий Иванович Шуйский, взошедший на московский престол приблизительно через два года после даты, обозначенной на кресте-мошечике. Правил он как *Василий*, и это имя фигурирует в различных официальных и частных актах великое множество раз, а вот о том, что он был еще и *Потанием*, до недавнего времени исследователям известно не было.

Между тем, как уже приходилось писать авторам этих строк (Литвина, Успенский 2021а), второе имя Шуйского – *Потаний* – надежно зафиксировано в ряде коммеморативных памятников. Достаточно привести здесь фрагмент из кормовой книги Троице-Сергиева монастыря:

<8 декабря> Пр(е)п(о)д(о)бнаго о(т)ца нашегw Потапіа.

Корм по ц(а)рѣ и великом кн(я)зе Васи́лїи Ивановиче всеа Россїи

Поминаги м(о)л(и)твенное имя Потапіи... (Кириченко & Николаева 2008. С. 145. Л. 109 об.).

В одном из синодиков этого монастыря Шуйский фигурирует в качестве «блговѣрнаго ц̄ра и великаго кнза Потапіа» (ОР РГБ. Ф. 304/Л. 818. Л. 23), в других синодиках обители два его имени приводятся подряд («Ц̄ра і великаго кн̄са Васи́лїа. Потапіа» – ОР РГБ. Ф. 304/Л. 818. Л. 29) или имя *Потаний* снабжается пометой «молитвенное»:

ї̄ <8 декабря> Кормъ по г̄дрѣ ц̄ре̄ и великомъ кн̄зе Васи́лїи Ивановиче всеа Рѣсїи молитвенное има Потапіи (ОР РГБ. Ф. 304/Л. 814. Л. 59 об.).

Аналогичную запись можно найти и в одном из синодиков Александра Свирского монастыря (БАН. Ф. Алекс.-Свирск. 55. Л. 90/93), тогда как в другом есть упоминание «кн̄за Потапіа», над которым киноварью приписано: «ц̄рѣ Васи́лїи» (БАН. Ф. Алекс.-Свирск. 57. Л. 15 об.). С другой стороны, в знаменитом «Временнике» Ивана Тимофеева имя *Василий* у Шуйского сопровождается пометой «пореклу» – так обычно маркируют публичное имя того человека, у которого имеется и еще одно, собственно крестильное имя⁴. Существует, помимо всего прочего, довольно обширный круг коммеморативных источников, где имя *Потаний* напрямую не названо, но при этом поминовение царя Василия Шуйско-

⁴ «Во время же послѣднее днешнихъ времянь Шуйского, порекла Васи́лїа, самоизбранна глаголема всеа Русїи царя...» (РИБ. XIII 1891. С. 389).

го приурочено к 8 декабря, празднованию преп. Потапия Египетскому, единственному святому с таким именем в месящеслове⁵.

Итак, будущий царь Василий Иванович Шуйский безусловно обладал еще одним светским именем *Потаний*, и это практически не оставляет сомнений в том, что именно он и является вкладчиком драгоценного на-престольного креста. Уместно еще раз напомнить, сколь велика была его связь с суздальским Покровским монастырем: к 1603/04 г. здесь покоились его мать, княгиня Анна Федоровна, постригшаяся с именем *Марфа*, и сестра, княжна Елена Ивановна, именно в Покровском монастыре несколько лет спустя погребут его дочь, царевну Анастасию. Здесь же похоронят и невесток Василия / Потапия – жену князя Дмитрия Ивановича, Екатерину Григорьевну (дочь Малюты Скуратова), и жену Ивана Ивановича Пуговки, Марфу Владимировну, урожденную княжну Долгорукую⁶. Хорошо известно, что братья царя делали в монастырь ценные вклады с нанесенными на них надписями – одним из них станет блюдо для кутьи, отданное в 1638 г. Иваном Ивановичем Пуговкой, постригшимся к тому времени под именем *Иона*, на поминование его племянницы царевны Анастасии (Трофимова 1982. С. 169. № 55)⁷. Другой вклад, Александра Ивановича Шуйского, был сделан много раньше, в 1599 г. – это не что иное, как паникадило, пожертвованное в память о княгине Анне, их матери (Косаткин 1906. С. 227–228), по ней же в 1597 г. дал вкладом серебряную водосвятную чашу с изображением Богоявления князь Дми-

⁵ Ср. запись в синодике Архангельского собора Московского Кремля (нач. XVII в.) о вкладе, сделанном в 1622 г. вдовой Шуйского, царицей Марией / Екатериной (в мон. Еленой) Буйносовой-Ростовской: «...по ц(а)рѣ и великом кн(я)зѣ Василие Ивановиче всея Руси в вѣчный поминок. А имя его у Архангела в мотию <sic! в литии?> и в сенаники написано. И протопопу Ивану з брат(ь)ею или хто у Архангела вперед иные протопопы и брат(ь)я будут ц(а)ря и великаго кн(я)зя Василиа Ивановича всея Русии поминати по вся д(ь)ни, на литиях и на панахидах за просфиромисанием и на б(о)ж(е)ственѣи литургии. И пѣти панахиды по вся годы декабря в 8 д(е)нь, генваря въ 1 д(е)н(ь), сентября в 16 д(е)н(ь), доколе вселенные мир стоит» (ОР РГБ. Ф. 218, № 1518. Л. 113–114; ср.: Лебедев 1880. С. 380; Рыков 1999. С. 396). Аналогичная вкладная запись царственной вдовы по своему мужу, содержащая те же даты, имеется и в синодике Успенского собора Московского Кремля (Истомин, Сперанский 1963. С. 112. № 65/1061).

⁶ См. так называемую Роспись титулованных особ, похороненных в Покровском монастыре (1630–1650-е гг.) (Антонов, Маштафаров 2019. С. 404. № 429). По душе своей супруги, Марфы Владимировны, Иван Иванович Пуговка вложил в суздальский Покровский монастырь образ «Богоматерь Казанская» (Пивоварова, Шалина 1994. С. 231. № 146), при этом в надписи на шелковой ткани на обороте иконы княгиня ошибочно поименована *Марфой Васильевной*.

⁷ Д.В. Цветаев (1910. С. 106, примеч. 2) приписывает Ивану Ивановичу Пуговке еще одно даяние ко гробу царевны Анастасии – это не что иное, как известный по монастырским описям «покровь нагробной на царевне Анастасѣе Васильевне Шуйской бархатъ червчатъ крестъ и круживо кованое золотное около креста трость и копие и подпись слова низаны жемчугомъ около покрова отласть золотной шесть покрововъ бархатныхъ черныхъ три покрова скуонныхъ червчатыхъ» (Георгиевский 1903. С. 107). Однако никакие атрибутирующие признаки, позволяющие надежно связать его с фигурой Ивана Ивановича, нам не известны.

трий Иванович Шуйский (Ушаков 1913. С. 216)⁸. Теперь же мы твердо знаем, что вкладчиком монастыря был и самый старший и знаменитый из братьев – царь Василий / Потапий.

Наша идентификация, удачным образом, ставит точку в рассуждениях о том, какое из двух имен царя было крестильным. До сих пор тезис, согласно которому его крестили *Потанием*, казался достаточно убедительным, но все же сохранял определенную долю гипотетичности, благодаря же надписи на кресте из Покровского монастыря, мы можем говорить об этом с полной уверенностью. Подобное знание, в свою очередь, позволяет реконструировать (правда, не совсем строго) и дату рождения будущего царя Василия: скорее всего, он появился на свет 8 декабря 7061/1552 г.⁹

Большой интерес вызывают изображения святых (с указанием, что именно их мощи содержатся в кресте), расположенные над вкладной надписью. С одной стороны, обилие и высокая ценность этих реликвий лишний раз демонстрируют совершенно незаурядные возможности вкладчика, с другой, невольно возникает вопрос о принципах подбора этих святых. Судя по всему, тезоименитство не стало здесь доминантой – сразу же бросается в глаза, что среди присутствующих на кресте изображений нет ни св. Василия, ни св. Потапия, нет здесь и святых тезок по крестильным именам ближайшей родни Шуйского (отца, деда, жены и братьев). Быть может, появление мощей и образа Иоанна Златоуста отсылает к публичному имени отца будущего царя, Ивана / Максима Андреевича Шуйского, однако его наречение в честь именно этого святого остается исследовательской гипотезой. Можно, кроме того, попытаться связать появление мира св. Дмитрия Солунского с публичным именем Дмитрия / Фомы Ивановича / Максимовича, брата Василия / Потапия. Однако культ св. Дмитрия, как, впрочем, и Иоанна Златоуста, Григория Богослова, бессребреников Космы и Дамиана, апостола Иакова, первомученика Стефана и Феодора Тирона, настолько распространен на Руси в целом и у разных ветвей и семей Рюриковичей в частности, что какие бы то ни было уверенные выводы относительно внимания к тезоименитству на основании присутствия их реликвий в кресте делать затруднительно. По некоторым сведениям, супруга Дмитрия / Фомы, Екатерина Григорьевна, обладала еще одним именем *Христина* (изображение му-

⁸ Другой вклад в Покровский монастырь по Анне Федоровне Шуйской, принявшей постриг с именем *Марфа* – образ «Богоматерь Владимирская» в серебряном басменном окладе – был сделан, по-видимому, еще одним из братьев Шуйских, рано скончавшимся Андреем Ивановичем, однако утверждать это с уверенностью мы не можем из-за плохо сохранившейся надписи на тыльной стороне иконы (Пивоварова, Шалина 1994. С. 154. № 86).

⁹ Впрочем, это событие с некоторой долей вероятности могло приходиться и на 7 декабря – такая неоднозначность связана с известной нестрогостью в определении границы между сутками и длительностью родов.

ченицы Христины, напомним, присутствует непосредственно над вкладной надписью), но сведения эти не вполне надежны. Сколь бы ни было интересно появление на кресте образа Пигасии, святой, отсутствующей в месяцеслове, ни одной обладательницы такого имени в семье Шуйских мы пока не знаем. В целом на сегодняшний день представляется, что главным критерием отбора реликвий являлась их общая ценность и престижность, тогда как «принцип тезоименитства» выступал лишь в качестве дополнительного, если вообще принимался в расчет.

Так или иначе, отныне нет сомнений в том, что у Василия / Потапия Ивановича Шуйского (как и у его отца, деда и троих братьев)¹⁰ было два патрональных святых тезки: Потапий Египетский (8 декабря) по имени крестильному и Василий Великий (1 января) по имени публичному. Соответственно, мы можем убедиться, что монашеское имя *Варлаам* было подобрано ему нестандартным, «неправильным» образом – не к крестильному *Потаний*, но к публичному *Василий*¹¹. Эти сведения весьма немаловажны для понимания характера заговора, направленного на ниспровержение Шуйского, конкретных обстоятельств его насильственного пострига и восприятия целого ряда последующих событий Смутного времени, однако все это должно стать предметом самостоятельного изучения.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

Акты Покровского суздальского девичьего монастыря XVI – начала XVII века / Сост. А.В. Антонов, А.В. Маштафаров. М., 2019. (Акты Российского государства; III). [Akty Pokrovskogo suzdal'skogo devich'yego monastyrya XVI – nachala XVII veka (Acts of the Pokrovsky Suzdal Convent of the 16th – early 17th Centuries) / Sost. A.V. Antonov, A.V. Mashtafarov. Moscow, 2019. (Akty Rossiyskogo gosudarstva; III).]

Игошев В.В. Художественное серебро XV–XVIII веков из Переславль-Залеского музея-заповедника. М., 2020. [*Igoshev V.V.* Khudozhestvennoye srebro XV–XVIII vekov iz Pereslavl'-Zaleskogo muzeya-zapovednika (Art Silver of

¹⁰ О светской христианской двуименности в семье Шуйских см. подробнее: Литвина, Успенский 2021б. С. 87–90.

¹¹ В эту эпоху, если человеку подбирали иноческое имя по соответствию начальных букв или по созвучию с мирским, то за основу в нормальной ситуации у двуименных людей всегда бралось крестильное имя. Так, царский воспитатель и окольный Андрей / Лупп Петрович Клешнин, будучи *Луптом* в крещении, становится в монастыре *Левкием*, а не, скажем, *Агафоником* или *Авраамием*, боярин и дворецкий Григорий Васильевич Годунов постригается с именем *Христофор*, поскольку при рождении его окрестили *Харитоном* и т.д. и т.п. – добровольный постриг практически не знает здесь исключений. Подробнее об этом см.: Литвина, Успенский 2018.

- the 15th–18th Centuries from the Pereslavl-Zalessky Museum-Reserve). Moscow, 2020.]
- Истомин Г.И., Сперанский М.Н.* Описание рукописей Успенского кремлевского собора (ГИМ, инв. № 80370) / Вводн. заметка, примеч. и подгот. к печати В.Д. Кузьминой // Исследование по лингвистическому источниковедению. М., 1963. С. 88–119. [*Istomin G.I., Speranskiy M.N.* Opisaniye rukopisey Uspenskogo kremlevskogo sobora (GIM, inv. № 80370) (Description of the Manuscripts of the Assumption Cathedral of the Kremlin (State Historical Museum, inv. No. 80370)) / Vvodn. zametka, primech. i podgot. k pechati V.D. Kuz'minoy // Issledovaniye po lingvisticheskomu istochnikovedeniyu. Moscow, 1963. S. 88–119.]
- Кириченко Л.А., Николаева С.В.* Кормовая книга Троице-Сергиева монастыря 1674 г. (Исследования и публикация) / Отв. ред. С.М. Каштанов. М., 2008. [*Kirichenko L.A., Nikolayeva S.V.* Kormovaya kniga Troitse-Sergiyeva monastyr'ya 1674 g. (Issledovaniya i publikatsiya) (The Feed Book of the Trinity-Sergius Monastery of 1674 (Research and Publication)) / Otв. red. S.M. Kashtanov. Moscow, 2008.]
- Косаткин В.В.* Монастыри, соборы и приходские церкви Владимирской епархии, построенные до начала XIX столетия. Краткие исторические сведения с приложением описей сохраняющихся в них древних предметов. Ч. I: Монастыри. Владимир, 1906. (Труды Владимирской ученой комиссии. Кн. 8 [Материалы]. Прилож. 3.) [*Kosatkin V.V.* Monastyr'i, sobory i prikhodskiye tserkvi Vladimirskoy eparkhii, postroyennyye do nachala XIX stoletiya. Kratkkiye istoricheskiye svedeniya s prilozheniyem opisey sokhranyayushchikhsya v nikh drevnikh predmetov. Ch. I: Monastyr'i (Monasteries, Cathedrals and Parish Churches of the Vladimir Diocese Built before the Beginning of the 19th Century. Brief Historical Information with Appendix of Inventories of Ancient Objects Preserved in Them. Part I: Monasteries). Vladimir, 1906. (Trudy Vladimirskoy uchenoy komissii. Kn. 8 [Materialy]. Prilozh. 3.)]
- Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б.* Монашеское имя и феномен светской христианской двуименности в допетровской Руси // Средневековая Русь / Отв. ред. А.А. Горский. Вып. XIII. М., 2018. С. 241–280. [*Litvina A.F., Uspenskiy F.B.* Monasheskoye imya i fenomen svetskoй khristianskoй dviimennosti v dopetrovskoy Rusi (The Monastic Name and the Phenomenon of Secular Christian Duality in Pre-Petrine Rus') // Srednevekovaya Rus' / Otв. red. A.A. Gorskiy. Vyp. XIII. Moscow, 2018. S. 241–280.]
- Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б.* Мужское vs женское в контексте светской христианской двуименности на Руси XVI–XVII вв. // Slověne. 2019. Vol. VIII/1. С. 133–161. [*Litvina A.F., Uspenskiy F.B.* Muzhskoye vs zhenskoye v kontekste

svetskoy khristianskoy dviimennosti na Rusi XVI–XVII vv. (Masculine vs. Feminine in the Context of Secular Christian Dinominalism in Rus' in the 16th–17th Centuries) // Slověne. 2019. Vol. VIII/1. S. 133–161.]

Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. Два имени государя (Потапий Максимович Матвеев внук или Василий Иванович Шуйский) // *Анатомия власти: государи и подданные в Европе в Средние века и Новое время / Сост. и отв. ред. О. Воскобойников, О. Тогоева. М., 2021. С. 120–134. [Litvina A.F., Uspenskiy F.B. Dva imeni gosudarya (Potapiy Maksimovich Matveyev vnuk ili Vasiliy Ivanovich Shuyskiy) (Two Names of the Sovereign (Potapiy Maksimovich Matveyev Grandson or Vasily Ivanovich Shuisky)) // Anatomiya vlasti: gosudari i poddannyye v Evrope v Sredniye veka i Novoye vremya/ Sost. i отв. red. O. Voskoboynikov, O. Togoyeva. Moscow, 2021. S. 120–134.] (a)*

Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. Антропонимическое воплощение семейного единства в средневековой Руси // *Русская речь. 2021. № 6. С. 77–97. [Litvina A.F., Uspenskiy F.B. Antroponimicheskoye voploshcheniye semeynogo edinstva v srednevekovoy Rusi (Anthroponymic Embodiment of Family Unity in Medieval Rus') // Russkaya rech'. 2021. № 6. S. 77–97.] (б)*

Московский кафедральный Архангельский собор / Сост. того же собора сакелларий протоиерей Алексей Лебедев. М., 1880. [Moskovskiy kafedral'nyy Arkhangel'skiy sobor (The Moscow Archangel Cathedral) / Sost. того zhe sobora sakellariy protoiyerey Aleksey Lebedev. Moscow, 1880.]

Опись Покровского женского монастыря в г. Суздале, 1651 года / Сообщ. В.Т. Георгиевский // *Труды Владимирской ученой архивной комиссии. Кн. V. Владимир, 1903. С. 55–126. (Отд. «Материалы»). [Opis' Pokrovskogo zhenskogo monastyrya v g. Suzdale, 1651 goda (Inventory of the Pokrovsky Convent in Suzdal, 1651) / Soobshch. V.T. Georgiyevskiy // Trudy Vladimirskoy uchenoy arkhivnoy komissii. Kн. V. Vladimir, 1903. S. 55–126. (Otd. «Materialy»)].*

«Пречистому образу Твоему поклоняемся...». Образ Богоматери в произведениях из собрания Русского музея / Авторы-сост. изд. Н. Пивоварова, И. Шалина; вступ. ст. Т. Вилинбахова, И. Плешанова. СПб., 1994. [“Prechistomu obrazu Tvoemu poklonyayemsa...”. Obraz Bogomateri v proizvedeniyakh iz sobraniya Russkogo muzeya (“We Worship Thy Most Pure Image...”. The Image of the Mother of God in Works from the Collection of the Russian Museum) / Avtory-sost. izd. N. Pivovarova, I. Shalina; vstup. st. T. Vilinbakhova, I. Pleshanova. St-Petersburg, 1994.]

Русское прикладное искусство XIII – начала XX в. из собрания Государственного объединенного Владимиро-Суздальского музея-заповедника / Авт.-сост. Н. Трофимова; науч. ред. и авт. предисл. Т.В. Николаева. М., 1982. [Russkoye prikladnoye iskusstvo XIII – nachala KhKh v. iz sobraniya Gosudarstvennogo

- ob'yedinennogo Vladimiro-Suzdal'skogo muzeya-zapovednika (Russian Applied Art of the 13th – Early 20th Centuries from the Collection of the State United Vladimir-Suzdal Museum-Reserve) / Avt.-sost. N. Trofimova; nauch. red. i avt. predisl. T.V. Nikolayeva. Moscow, 1982.]
- Рыков Ю.Д.* Малоизвестный рукописный синодик Московского кремлевского Архангельского собора начала XVII в. с позднейшими дополнениями // Россия в IX–XX веках: Проблемы историографии и источниковедения. М., 1999. С. 392–398. [*Rykov Yu.D.* Maloizvestnyy rukopisnyy sinodik Moskovskogo kremlevskogo Arkhangel'skogo sobora nachala XVII v. s pozdneyshimi dopolneniyami (A Little-Known Manuscript *Synodikon* of the Moscow Kremlin Archangel Cathedral from the Beginning of the 17th Century with Later Additions) // Rossiya v IX–XX vekakh: Problemy istoriografii i istochnikovedeniya. Moscow, 1999. S. 392–398.]
- Серебряные напрестольные кресты XVI–XIX веков в собрании Государственного Владимиро-Суздальского музея-заповедника / Сост. М.А. Быкова. Владимир, 2015. [*Serebryanyye naprestol'nyye kresty XVI–XIX vekov v sobranii Gosudarstvennogo Vladimiro-Suzdal'skogo muzeya-zapovednika* (Silver Altar Crosses of the 16th–19th Centuries in the Collection of the State Vladimir-Suzdal Museum-Reserve) / Sost. M.A. Bykova. Vladimir, 2015.]
- Ушаков Н.Н.* Спутник по древнему Владимиру и городам Владимирской губернии: Историко-археологическое описание всех городов Владимирской губернии. Владимир, 1913. [*Ushakov N.N.* Sputnik po drevnemu Vladimiru i gorodam Vladimirskoy gubernii: Istoriko-arkheologicheskoye opisaniye vsehkh gorodov Vladimirskoy gubernii (A Companion to Ancient Vladimir and the Cities of the Vladimir Province: Historical and Archaeological Description of All the Cities of the Vladimir Province). Vladimir, 1913.]
- Цветаев Д.В.* Царь Василий Шуйский и места погребения его в Польше, 1610–1910 гг. I том: Историческое исследование. М.; Варшава, 1910. [*Cvetaev D.V.* Car' Vasilij Shujskij i mesta pogrebeniya ego v Pol'she, 1610–1910 gg. I tom: Istoricheskoe issledovanie (Tsar Vasily Shuisky and His Burial Places in Poland, 1610–1910. Vol. I: Historical Research). Moscow; Warszawa, 1910.]

THE 1603/04 ALTAR CROSS FROM THE MONASTERY
OF THE INTERCESSION OF OUR LADY IN SUZDAL:
ON THE IDENTITY OF ITS DONATOR

The paper reconsiders the issue of the attribution of the eight-pointed reliquary cross made of silver (gilded) and decorated with stamped images on its front side. The votive inscription on the artefact says that the cross was donated to the Suzdal Monastery of the Intercession of Our Lady in 1603/04, with the style of figurative images, foliage pattern and the high quality of work clearly indicating the Moscow origin of this liturgical object.

As of presently, the identity of the donator has been believed to be unclear, although the inscription is reliably readable and contains both his names and all information necessary for identification. Many people of Medieval Rus' had two lay Christian names - today, this idea comes as less of surprise to researchers as it used to a decade earlier, yet the tradition of lay Christian binominality is still to be described and analyzed. There are two aspects to it, equally fascinating: revealing the general structure and the semantics of this bizarre practice and simply replenishing the collection by establishing the very fact that this or that person, often notable, bore not just the name under which everyone knows them, found in history textbooks, but had another name, perhaps even more important from their own perspective. This last task of studying specific cases sometimes requires almost detective investigation, and challenges faced by a researcher are not incidental: they are rooted in the very ways how this system of lay Christian binominality functioned in the pre-Petrine Rus': the same person could appear under one name in one case and under the other name in another, and sometimes it is really challenging to find the crossover points allowing to identify, say, *Cosmas, servant of God* with Prince Dmitry Mikhailovich Pozharsky.

The historical and onomastic analysis of the inscription on the 1603/04 cross not only allows to reliably identify the owner of this precious specimen of early 17th-century jewellery but also to make some guesses about the circumstances of donation and to clarify our evidence of naming practices characteristic of the 16th-century Rus'.

Keywords: Suzdal Monastery of the Intercession of Our Lady, reliquary cross (1603/1604), the Shuiskii family, donation and commemoration, name-giving in pre-Petrine Rus', saints' cult, Church calendar, monastic vows, dual naming of lay Christians, baptismal name

DOI: 10.32608/1560-1382-2024-45-179-190